

УДК 327

Цзян Юймэн*аспирант 2-го года обучения каф. международных отношений
Белорусского государственного университета***Jiang Yumeng***2-nd Year Post-Graduate Student of the Department of International Relations at the
Belarusian State University**e-mail: 1344607729@qq.com*

МИРОТВОРЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ ООН ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ

Рассматривается процесс формирования позиции КНР по отношению к участию в урегулировании конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке под эгидой ООН. Особое внимание уделено анализу трансформации внешнеполитических подходов официального Пекина к миротворческой деятельности ООН в период и после окончания холодной войны. Исследованы мотивы голосования Китая в Совете Безопасности ООН по урегулированию конфликтов на Ближнем Востоке в 1970–1980-е гг. после принятия КНР в члены организации (1971 г.).

Ключевые слова: *Китай, ООН, Ближний Восток, конфликты, урегулирование, миротворческие операции, внешняя политика.*

UN Peacekeeping Operations In China's Foreign Policy

The process of forming the position of the PRC in relation to participation in the settlement of conflict situations in the Middle East under the auspices of the UN is considered. Particular attention is paid to the analysis of the transformation of official Beijing's foreign policy approaches to UN peacekeeping during and after the end of the Cold War. The motives of China's voting in the Security Council on the settlement of conflicts in the Middle East in the 1970–1980s after the admission of the PRC to the organization (1971) are studied.

Key words: *China, UN, Middle East, conflicts, settlement, peacekeeping operations, foreign policy.*

Введение

В последние десятилетия Китай заметно изменил свое отношение к миротворческим операциям, проводимым под эгидой ООН. Начав с отрицания законности этой деятельности, Пекин стал крупнейшим спонсором международных усилий по принуждению к миру. Некоторые китайские исследователи убеждены, что на формирование позиции Китая в сфере миротворчества ранее влиял фактор исторической памяти. «В новейшей истории, – писал китайский ученый Сюй Ичжун, – особенно в 1920–1930-х гг., когда полевые командиры при поддержке разных зарубежных стран воевали друг с другом, Китай стал объектом многочисленных иностранных интервенций, которые привели к длительной гражданской войне с большим количеством жертв, стремительному обнищанию населения и отсутствию центрального правитель-

ства. Такие воспоминания стали частью коллективной памяти Китая. Это в значительной степени объясняет решимость Китая поддерживать невмешательство во внутренние дела других государств как основополагающий принцип Организации Объединенных Наций» [8, с. 21].

Подход Пекина к участию в миротворческой деятельности ООН изменился в 1981 г., когда Китай начал голосовать в Совете Безопасности ООН за продление мандатов проводившихся операций ООН и начал платить взносы в бюджет операций по поддержанию мира. Однако наиболее очевидной эволюция позиции Китая в отношении миротворческой деятельности ООН стала только после окончания холодной войны, когда Китай начал принимать активное участие в развертывании и осуществлении миротворческой деятельности. Видение Пекином урегулирования конфликтов в Персидском заливе (1990–1991 гг.) и Сомали, оказало существенное влияние на уточнение позиций Китая в этом вопросе.

Цель статьи – исследовать особенности подходов Китая к миротворческим операциям ООН после того, как в 1971 г. Китай

Научный руководитель – Виктор Геннадьевич Шадурский, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета

восстановил свои законные права и статус в этой международной организации.

Основная часть

После принятия КНР в ООН (1971 г.) можно наблюдать серьезную эволюцию политики Пекина в отношении ООН в целом и миротворческой деятельности в частности. Мы можем выделить в этой эволюции три этапа, каждый из которых имеет свои особенности.

Первый этап. В 1971 г. позиция Китая в отношении миротворческих операций в ООН характеризовалась, как отмечает китайский исследователь Чжэнь Цзянь, «тремя нет»: не предоставлять контингент в распоряжение Совета безопасности ООН, не брать на себя финансовые обязательства перед Советом Безопасности ООН, не участвовать в голосовании Совета Безопасности по миротворческим операциям [7, с. 15].

В своих выступлениях в Совете Безопасности ООН китайские представители неоднократно подчеркивали, что Операции ООН по поддержанию мира являются инструментом неокOLONIALИСТСКОЙ политики сверхдержав и, следовательно, лишены беспристрастности и легитимности. Показательным в этом отношении является заявление в Совете Безопасности ООН главы МИД КНР Цянь Цичэня 25 октября 1973 г. Во время обсуждения вопроса о формировании Вторых Чрезвычайных сил Организации Объединенных Наций на Ближнем Востоке он, в частности, отметил: «Китай всегда выступал против направления т. н. “сил в поддержку мира”. Такая практика может лишь открыть путь для дальнейшего международного вмешательства и установления контроля сверхдержав, которые действовали бы закулисно» [3, с. 117].

Среди причин критикуемой позиции Китайской Народной Республики ученые называли следующие.

1. Наличие определенных политических предрассудков, сформировавшихся на основе оценки негативного опыта взаимодействия Китая с миротворческими силами ООН в 1950 г. во время Корейской войны 1950–1953 гг. Как отметил российский исследователь И. А. Зародов, «союз добровольцев Китая (по сути, контингент Народно-освободительной армии Китая) встал на сторону северной коалиции против сил

«юга», представленных войсками южной части Корейского полуострова, США, Великобритании и ряда других стран, которые действовали в составе миротворческих сил ООН [2, с. 259].

2. Доминирование идеологических догм, которые, в частности, обосновывали антигегемонистский политический курс Китая на международной арене. В Пекине считали, что миротворчество представляет собой инструмент «силовой политики сверхдержав», который используется в качестве оправдания для легитимации вмешательства для сверхдержав во внутренние дела малых государств.

3. Прагматизм китайской политики. По мнению М. Тейлора Фравела, несмотря на риторику, политика неучастия в ОПМ ООН положительно влияла на внутреннюю стабильность во время культурной революции и динамику отношений в рамках стратегического треугольника «Китай – США – СССР» [14, с. 1104].

После того как Китай восстановил свое законное место в ООН, он практически не поддерживал миротворческие операции организации, воздерживался от голосования. Можно сказать, что на фоне холодной войны из-за отсутствия единения Китая с международным сообществом он проявлял сопротивление и осторожность в отношении миротворческих операций ООН.

Второй этап. Характерными чертами политики Китая в ООН в области миротворческой деятельности в конце 1980 – начале 1990-х гг. были, на наш взгляд, следующие.

1. В отличие от 1970-х гг. Китай регулярно платил взносы в бюджет ООН на операции по поддержанию мира, участвовал во всех голосованиях в Совете Безопасности ООН по вопросам поддержания мира.

2. Критика Китаем операций ООН по поддержанию мира носила ограниченный характер по сравнению с предыдущим десятилетием. Китай выступал только против тех операций ООН по поддержанию мира, чей мандат выходил за рамки традиционной модели поддержания мира и предусматривал применение силы на основе гл. 7 Устава ООН. В выступлениях представителей Китая в Совете Безопасности ООН неоднократно отмечалось, что только традицион-

ные принципы являются предпосылкой для запуска миротворческой операции ООН.

3. Постепенно принципы вышеупомянутой оппозиции ООН сместились от установок социалистической идеологии к национальным интересам, что было связано, как отметил американский ученый М. Тейлор Фравел, с эволюцией «цели внешней политики Китая от революционных к более реалистичным и прагматичным – таким, как защита внутренних усилий по модернизации» [14, с. 1115]. Следует отметить, что впервые термин «национальные интересы», заменивший термин «интересы пролетариата», был использован на XII съезде КПК в 1982 г. [4].

4. Китай выражал несогласие с решениями, предложенными в Совете Безопасности, не отказываясь от голосования, как было в 1971–1980 гг., а воздерживаясь при голосовании. Такой подход Пекина доминировал в отношении решений Совета Безопасности ООН в целом.

5. Китай участвовал в принятии решений по операциям по поддержанию мира, но одновременно избегал брать на себя серьезные обязательства по участию в операциях по поддержанию мира. Китай направлял лишь небольшие контингенты в состав сил ООН, ограничиваясь участием в миссиях по наблюдению [7, с. 15], а также направлял за рубеж специалистов в области материально-технического обеспечения, инжиниринга и строительства.

6. Пекин постоянно акцентировал внимание на необходимости соблюдения целей и принципов Устава ООН, настаивая, что именно ООН, а не несколько стран должны играть ведущую роль в операциях по поддержанию мира.

7. Китай ратовал за укрепление сотрудничества ООН с региональными организациями при условии, что это гарантирует ведущую роль ООН и недопущение любых попыток проведения военных операций региональными организациями без предварительного согласия Совета Безопасности ООН. В качестве примера можно привести позицию Китая относительно военного вмешательства НАТО в конфликт в Косово в 1999 г., которое, по мнению официального Пекина, было проявлением негативного и неприемлемого с точки зрения Китая под-

хода игнорировать ООН или целенаправленно ослаблять ее позиции.

Китай сопротивлялся поддержке, оказываемой ООН странам, которые не признали КНР и поддерживали официальные отношения с Тайванем. Наиболее показательным примером в этом отношении может служить позиция Китая в отношении запуска ООН миротворческого процесса в Гватемале. ООН предполагало направить туда 155 военных наблюдателей для проверки Соглашения об окончательном прекращении огня, подписанного 4 декабря 1996 г. в Осло между правительством Гватемалы и блоком «Национальное революционное единство Гватемалы» [8]. Китай при голосовании в Совете Безопасности ООН применил вето. Его представитель Цинь Хуасунь аргументировал это тем, что правительство Гватемалы, пригласив представителей Тайваня на церемонию подписания гватемальского мирного соглашения, вмешалось во внутренние дела Китая и поставило под угрозу его суверенитет и территориальную целостность. Как отмечалось в заявлении, «в мире есть только один Китай, и правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь китайский народ», а вопрос Тайваня «полностью относится к внутренним делам Китая» и исключает любое вмешательство извне [11, с. 123].

Кризис в Персидском заливе 1990–1991 гг. и международный поиск путей его урегулирования оказали существенное влияние на позицию Китая в миротворческой деятельности ООН. 25 августа 1990 г. в своем выступлении на заседании Совета Безопасности ООН официальный представитель Китая при ООН Ли Даюй высказал обеспокоенность Китая развитием негативных тенденций в процессе урегулирования кризиса. При этом он подчеркнул, что «Китай считает участие великих держав не способствующим урегулированию этого конфликта» [7, с. 15]. Во время обсуждения проекта резолюции глава МИД Китая Цянь Цичэнь заявил, что ООН не только обеспечивает международную безопасность, но и «несет ответственность за историю. Организация должна действовать осторожно и избегать безрассудных решений по таким серьезным вопросам, как предоставление любому из ее

государств-членов права на военные действия против другого государства-члена» [7, с. 18]. Китай воздержался от голосования по этой резолюции, содержание которой, как отмечалось, противоречило принципиальной и последовательной позиции КНР по урегулированию конфликтов политическими средствами, поскольку в ее тексте содержались положения о необходимости «использовать все необходимые средства», что, согласно официальному Пекину, «фактически означало разрешение на ведение военных действий» [7, с. 20].

Китайская делегация также высказала оговорку во время принятия Советом Безопасности ООН резолюции (1991), которая требовала от Ирака немедленно прекратить репрессии против гражданского населения, включая курдов в северном Иракском Курдистане, и гарантировала помощь международных гуманитарных организаций всем, кто в ней нуждается. Китай, разделяя озабоченность мирового сообщества ситуацией в Ираке и ростом массовых потоков беженцев, воздержался от голосования по вышеупомянутой резолюции. Позицию Китая выразил ее представитель Ли Даюй в своем выступлении 5 апреля 1991 г. в Совете Безопасности: «Эта проблема чрезвычайно сложна в связи с тем, что этот вопрос касается внутренних дел страны». Он подчеркнул при этом, что в соответствии с п. 7 ст. 2 Устава ООН Совет Безопасности не должен рассматривать или осуществлять действия по вопросам, связанным с внутренними компетенциями любого государства [7, с. 22]. Можно сделать вывод о том, что для Китая было важно отстаивание такого принципа, как невмешательство во внутренние дела суверенных государств.

В апреле 1992 г. Китай проголосовал за начало операции ООН в Сомали, целью которой было наблюдение за соблюдением соглашения о прекращении огня между конфликтующими сторонами [7, с. 18], и поддержал резолюцию от 28 августа 1992 г., которая позволила увеличить численность находящегося там персонала [5, с. 89]. Конкретно эта позиция Китая не противоречила его общему подходу к миротворческим силам ООН, поскольку операция ООН в Сомали на начальном этапе своих функций в целом вписывалась в рамки традиционной модели поддержания мира. Что касается ситуации в

области безопасности в Сомали, а также в связи с систематической критикой Совета Безопасности ООН, 3 декабря 1992 г. на рассмотрение международной организации был внесен проект резолюции, которая уполномочила Генерального секретаря и государства-члены «принять все необходимые меры» для обеспечения доставки гуманитарной помощи в Сомали [5, с. 87]. Представитель Китая в Совете Безопасности ООН Ли Даюй заявил, что, несмотря на то, что оптимальным способом разрешения сомалийского кризиса является диалог и консультации, с учетом долгосрочного характера ситуации хаоса, который объясняется отсутствием правительства в Сомали на данный момент, КНР поддерживает предложение, чтобы ООН в порядке исключения приняла быстрые и решительные меры по урегулированию сомалийского кризиса» [5, с. 89].

В дальнейшем китайские представители неоднократно обосновывали свою позицию в поддержку резолюций Совета Безопасности на применение принудительных мер по урегулированию ситуации в Сомали «отсутствием эффективного правительства» [2, с. 259].

Позиция Китая осталась неизменной при рассмотрении 26 марта 1993 г. вопроса об осуществлении второй операции ООН в Сомали, которая была начата на основе Гл. 7 Устава ООН и по сути представляла собой не что иное, как операцию принуждения к миру. В то же время было отмечено: «Как мы понимаем, эта санкция должна основываться на потребностях уникальной ситуации в Сомали и не должна быть прецедентом для операций Организации Объединенных Наций по достижению основополагающего мира» [7, с. 15].

Анализ выступлений китайских представителей дает основания сделать следующие выводы: Китай рассматривал эскалацию кризиса в Сомали как процесс углубления эрозии суверенитета в этой стране и рассматривал действия мирового сообщества (по крайней мере, концептуально) как действия, которые должны быть направлены на восстановление суверенитета и стабильности в этой стране.

Таким образом, можно констатировать, что после крушения биполярной системы международных отношений Китай в

целом остался привержен традиционной модели Организации Объединенных Наций по поддержанию мира, которая была сформирована во время холодной войны и основывалась на таких принципах, как невмешательство во внутренние дела государства, в котором проводится операция ООН; нейтралитет и беспристрастность; предварительное согласие конфликтующих сторон на размещение контингента ООН; неприменение силы (последнее может быть использовано только в целях самообороны).

Третий этап. С 2003 г. начинается новый этап эволюции китайской политики в области миротворческой деятельности, который отмечен увеличением масштабов участия Китая в миротворческой деятельности ООН, что нашло свое проявление, прежде всего, в значительном увеличении числа китайских миротворцев в ООН и изменении в структуре миротворческого контингента. Так, если в декабре 2002 г. численность китайских миротворцев составляла 123 человека, в т. ч. 52 наблюдателя, 69 полицейских и только два военнослужащих, то в декабре 2003 г. их численность увеличилась почти в три раза и составила 358 человек, из которых 289 (82,73 %) были военными [1].

В последующие годы наблюдался устойчивый рост численности китайских миротворцев (по состоянию на 31 августа 2017 г. эта цифра составляла 2 654 человека); также наблюдалась тенденция к увеличению среди них доли военных (по состоянию на 31 августа 2017 г. – 2 417 человек, что составляет 91,07 % от их общей численности) [10, с. 1093]. Сейчас Китай направляет больше миротворцев в миссии ООН, чем любой другой постоянный член Совета Безопасности ООН или страна – член НАТО. При этом Пекин активно лоббирует назначение своих граждан на должности в Секретариате ООН и на командные должности в миссиях на местах. Так, в сентябре 2007 г. генерал-майор НОАК Чжао Цзинминь стал первым китайским офицером, назначенным командующим миротворческой операцией ООН – Миссией ООН по проведению референдума в Западной Сахаре. В январе 2011 г. генерал-майор НОАК Чао Лю занимал пост Командующего Организацией Объединенных Наций за мир на Кипре. В Китае создано три центра для подготовки

миротворцев, которые готовят как китайский, так и международный персонал. Кроме того, в 2017 г. Китай (10,25 %) вышел на второе после США (28,47 %) место среди государств – членов ООН по объему взносов на финансирование операций по поддержанию мира [13].

Столь существенная трансформация политики КНР в области миротворческой деятельности ООН была вызвана изменениями в ее внешнеполитической стратегии. Председатель КНР Ху Цзиньтао в 2003 г. предложил курс на усиление международного статуса Китая, укрепление его имиджа как «великого ответственного государства», что требовало принятия на себя большей ответственности в области поддержания международного мира и безопасности.

Фундаментальное изменение подходов Китая к участию в ООН поставило ряд закономерных вопросов, а именно: какую роль играют миротворческие операции ООН во внешнеполитической стратегии Китая? Какие факторы повлияли на эволюцию позиции Пекина?

Можно констатировать, что активное участие Пекина после 2003 г. в миротворческой деятельности ООН свидетельствовало о повышении важности этого направления во внешнеполитической стратегии Китая. Участие в ОПМ ООН, как отметил Тьерри Тарди, помимо идеалистических и материальных мотивов, «во многом означает демонстрацию силы – жесткой и мягкой. Поддерживая и укрепляя мир, государства могут за сравнительно низкую цену продвигать свои конкретные интересы и официальные намерения» [9, с. 99].

Участие Китая в миротворческих операциях ООН определяется следующими обстоятельствами.

1. Это является одним из важных путей реализации такой приоритетной внешнеполитической цели, как создание имиджа Китая на мировой арене в качестве крупного глобального игрока, готового и способного взять на себя ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Как отметил начальник Генерального штаба НОАК Чен Бинде (2007–2012), «Китай считает участие в международных миротворческих миссиях важным для выполнения своего долга ответственного госу-

дарства и обеспечения мира во всем мире» [5, с. 102].

2. Участие в миротворческих операциях ООН подтверждает, что модернизация вооруженных сил КНР по своей сути имеет оборонительный характер и является веским аргументом в пользу концепции «мирного роста», пропагандируемой китайским руководством.

3. Участие в миротворческих операциях ООН дает Пекину возможность продемонстрировать солидарность с развивающимися странами, которые являются основными реципиентами миротворческих операций ООН, представить свое участие в миротворческой деятельности ООН как развитие отношений Юг – Юг. В частности, Китай принял участие в операциях ООН в таких африканских странах, как Либерия, Западная Республика Конго, Судан, а также в Западной Сахаре, что объективно создает основу для расширения китайского влияния в Африке;

4. Опыт участия в миротворческих контингентах ООН китайских вооруженных сил, по мнению некоторых авторов, создает условия не только для налаживания сотрудничества с военными других стран, но и для развития способности эффективно реагировать на возможный потенциальный внутренний кризис [14, р. 1121].

Миротворчество дает Пекину возможность сформировать предпосылки для продвижения экономических и политических интересов Китая в определенных странах и регионах мира. Прежде всего это касается континента Африка, на территории которого проходит большинство операций по поддержанию мира под эгидой ООН. Активность ООН на африканском континенте, как убежден Китай, должна содействовать укреплению мира и стабильности.

В развитие своих подходов КНР направляет наибольшее количество контингентов для обеспечения строительных, инженерных, транспортных и медицинских потребностей среди всех стран – участниц ООН. За последние 30 лет китайские миротворцы построили и отремонтировали более 170 тыс. километров дорог, более 300 мостов, обезвредили более 140 тыс. различных типов боеприпасов, перевезли более 1,2 млн т грузов на расстояние общей протяженно-

стью 13 млн км и вылечили 246 тыс. пациентов [1].

Другой логичный вопрос, возникший в связи с изменением политики Пекина, заключается в том, будет ли деятельность КНР в области поддержания международного мира и безопасности направлена на сохранение и укрепление установленных правил. По мнению некоторых политологов, в частности Чжао Лэя, в китайской стратегической культуре уже наблюдается тенденция к серьезным изменениям «от пассивного соблюдения международных норм до их активного формирования», что находит свое проявление и в сфере поддержания мира, особенно в связи с тем, что Китай отвергает либеральную модель мира [12, с. 81].

По мнению исследователей, характерной чертой миротворческой практики Китая в ООН является гибкий подход к проблеме государственного суверенитета и к ООН как организации. Пан Чжуньин убежден, что китайское понимание принципов «невмешательства» «претерпевает глубокие изменения» и «движется к «новой парадигме», которая касается одобрения международного вмешательства во внутренние дела государств в ответ на гуманитарные кризисы [6, с. 239]. В качестве аргумента в пользу этой точки зрения приводятся следующие факты: за последнее десятилетие Совет Безопасности организовал более десяти миссий, в рамках мандата которых необходимо было принять все необходимые меры, включая применение силы для защиты населения, подвергающегося угрозе физического насилия, и почти во всех случаях Китай проголосовал положительно.

Заключение

Позиция КНР в отношении миротворческой деятельности ООН эволюционировала от чисто негативной в период 1971–1980 гг. до ограниченного участия в период 1981–2003 гг. и активного участия в миротворческой практике ООН в XXI в. Эти изменения были вызваны значительными изменениями в китайской внешней политике и политике безопасности, а также развитием теории и практики миротворческой деятельности ООН в постбиполярный период. Политику Китая в ООН в этой области характеризует гибкость и прагматизм. Выработку китайской позиции по той или иной

миссии ООН, в частности, определяет действие целого комплекса факторов, среди которых можно выделить следующие: идея многополярного мира, видение сильной ООН как главного инструмента обеспечения международного мира и безопасности, стремление Китая представлять себя в качестве ответственного глобального государства, «мирный рост», который не несет угрозы мировому порядку. Также присутствует осознание репутационных и политиче-

ских выгод от участия в ООН, защита интересов Китая за рубежом, политика единого Китая, место страны в масштабе внешнеполитических приоритетов КНР, учет опыта миротворческой практики ООН. В частности, осознание необходимости и целесообразности в определенных обстоятельствах применения инструментов принуждения к миру во время осуществления миротворческих операций ООН.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белая книга «30 лет участия китайской армии в миротворческих операциях ООН» [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета Китайской Народной Республики. – Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm>. – Дата доступа: 02.04.2022. (на кит. яз.).
2. Зародов, И. А. Китай в миротворческой деятельности ООН / И. А. Зародов // Вестн. МГИМО Ун-та. – 2011. – № 6 (21). – С. 259–263.
3. Ли, Тинкан. Совет Безопасности санкционирует применение силы: исследование политики и тактики Китая / Тинкан Ли // Междунар. полит. исслед. – 2019. – № 2. – С. 115–142.
4. Памятные вещи Коммунистической партии Китая. 1982 г. [Электронный ресурс] // Новости Коммунистической партии Китая. – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64164/4416121.html>. – Дата доступа: 25.04.2022 (на кит. яз.).
5. Пан, Чжуньин. Изменение отношения Китая к миротворческой деятельности ООН / Чжуньин Пан // Миротворчество внутри страны. – 2005. – Т. 12, № 1. – С. 87–104.
6. Пан, Чжуньин. Вопрос Китая о невмешательстве в дела Китая / Чжуньин Пан // Глобал. ответственность по защите. – 2009. – № 1. – С. 239–243.
7. Сунь, Дэган. Концепция и практика участия Китая в миротворческих операциях ООН на Ближнем Востоке после реформ и открытости / Дэган Сунь, Чжан Шуай // Arab World Studies. – 2018. – № 5. – С. 14–28.
8. Сюй, Ичжуан. Участие Китая в ОПНО ООН: Политика и перспектива / Ичжуан Сюй // Миротворческая деятельность ООН: Роль Китая и Дании ; Л. Одгаард (ред.). – Копенгаген : Королев. колледж обороны Дании, 2015. – С. 21–27.
9. Тарди, Т. Миротворческие операции: хрупкий консенсус : пер. с англ. / Т. Тарди // SIPRI 2011. Вооружение, разоружение и международная безопасность : ежегодник / междунар. ин-т исслед. проблем мира ; Укр. центр экон. и полит. исслед. им. Разумкова ; редкол. укр.: Л. Шангина (гл. ред.) [и др.]. – Киев : Заповіт, 2012. – С. 92–116.
10. Фут, Р. «Делаем кое-что» в эпоху Си Цзиньпина. Организация Объединенных Наций как место выбора Китая / Р. Фут // Междунар. отношения. – 2014. – Т. 90, № 5. – С. 1093–1094.
11. Цинь, Хуасунь. Мемуары послов: представление Китая в ООН / Хуасунь Цинь. – М. : Синьхуа Пресс, 2010. – 267 с.
12. Чжао, Лэй. Отношение Китая к миротворческим операциям ООН / Лэй Чжао // Дипломат. обзор. – 2006. – № 2. – С. 80–86.
13. Is China contributing to the United Nations' mission? [Electronic resource]. – Mode of access: <https://chinapower.csis.org/china-un-mission/>. – Date of access: 22.04.2022.
14. Taylor Fravel, M. China's attitude towards the U.N. peacekeeping operations since 1989 / M. Taylor Fravel // Asian Survey. – November 1996. – Vol. 36. – P. 1102–1121.

REFERENCES

1. Bielaja kniga «30 liet uchasija kitajskoj armii v mirotvorchieskikh opieracijakh OON» [Elektronnyj riesurs] // Press-kanceliarija Gossovieta Kitajskoj Narodnoj Riespubliki. – Riezhim

dostupa: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm>. – Data dostupa: 02.04.2022. (na kit. jaz.).

2. Zarodov, I. A. Kitaj v mirotvorchieskoj diejatiel'nosti OON / I. A. Zarodov // Viestn. MGIMO Un-ta. – 2011. – № 6 (21). – S. 259–263.

3. Li, Tinkan. Soviet Biezopasnosti sankcionirujet primienienije sily: issliedovanije politiki i taktiki Kitaja / Tinkan Li // Miezhdunar. polit. isslied. – 2019. – № 2. – S. 115–142.

4. Pamiatnyje veshchi Kommunistichieskoj partii Kitaja. 1982 g. [Elektronnyj riesurs] // Novosti Kommunistichieskoj partii Kitaja. 1982. – Riezhim dostupa: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64164/4416121.html>. – Data dostupa: 25.04.2022 (na kit. jaz.).

5. Pan, Chzhunin. Izmienienije otnoshenija Kitaja k mirotvorchieskoj diejatiel'nosti OON / Pan Chzhunin // Mirotvorchiestvo vnutri strany. – 2005. – T. 12, № 1. – S. 87–104.

6. Pan, Chzhunin. Vopros Kitaja o nievmieshatiel'stvie v diela Kitaja / Chzhunin Pan // Global. otvietstviennost' po zashchite. – 2009. – № 1. – S. 239–243.

7. Sun', Degan. Konceptcija i praktika uchastija Kitaja v mirotvorchieskikh opieracijakh OON na Blizhnem Vostokie poslie rieform i otkrytosti / Degan Sun', Chzhan Shuaj // Arab World Studies. – 2018. – № 5. – S. 14–28.

8. Siuj, Ichzhuan. Uchastije Kitaja v OPNO OON: Politika i pierspiektiva / Siuj Ichzhuan / Mirotvorchieskaja diejatiel'nost' OON: Rol' Kitaja i Danii / L. Odgaard (ried.). – Kopiengagien : Koroliev. kolliedzh oborony Danii, 2015. – S. 21–27.

9. Tardi, T. Mirotvorchieskije opieracii: khрупkij konsensus : pier. s angl. / T. Tardi // SIPRI 2011: Vooruzhenije, razoruzhenije i miezhdunarodnaja biezopasnost' : jezhegodnik / miezhdunar. in-t isslied. problem mira ; Ukr. centr ekon. i polit. isslied. im. Razumkova ; riedkol. ukr.: L. Shangina (gl. ried.) [i dr.]. – Kijev : Zapovit, 2012. – S. 92–116.

10. Fut, R. «Dielajem koje-chto» v epokhu Si Czin'pina. Organizacija Objedinionnykh Nacij kak miesto vybora Kitaja / R. Fut // Miezhdunar. otnoshenija. – 2014. – T. 90, № 5. – S. 1093–1094.

11. Cin', Khuasun'. Miemuary poslov: predstavlenie Kitaja v OON / Cin' Khuasun'. – M. : Sin'khua Press, 2010. – 267 s.

12. Chzhao, Lej. Otnoshenije Kitaja k mirotvorchieskim opieracijam OON / Lej Chzhao // Diplomat. obzor. – 2006. – № 2. – S. 80–86.

13. Is China contributing to the United Nations' mission? [Electronic resource]. – Mode of access: <https://chinapower.csis.org/china-un-mission/>. – Date of access: 22.04.2022.

14. Taylor Fravel, M. China's attitude towards the U.N. peacekeeping operations since 1989 / M. Taylor Fravel // Asian Survey. – November 1996. – Vol. 36. – P. 1102–1121.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 26.05.2022